

*Я помню
её такой...*

*Феликс Медведев
Нами Микоян*

*Екатерина
Фурицева*

Главная женщина СССР

Я помню ее такой...

Феликс Медведев

**Екатерина Фурцева.
Главная женщина СССР**

«Алисторус»

УДК 929(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

Медведев Ф. Н.

Екатерина Фурцева. Главная женщина СССР / Ф. Н. Медведев —
«Алисторус», — (Я помню ее такой...)

ISBN 978-5-906861-80-1

Екатерина Алексеевна Фурцева – единственная женщина, достигшая в СССР таких вершин власти. Она была и секретарем ЦК КПСС, и членом Президиума ЦК, и первым секретарем Московского горкома партии, и министром культуры СССР. Пройденный путь от провинциальной девчонки из Вышнего Волочка до главной женщины СССР – извилист, непредсказуем и драматичен. А ее смерть – столь загадочна, что подлинная биография сегодня уже неотделима от слухов, домыслов и легенд... Ей были присущи потрясающее обаяние и красота, удивительная способность легко заводить знакомства и добиваться задуманного. Ее любили и ненавидели... Так какова же она была на самом деле? Об этом рассказывают известный журналист Феликс Медведев, близко знавший дочь нашей героини, и Нами Микоян, невестка Анастаса Микояна и подруга Екатерины Фурцевой.

УДК 929(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-906861-80-1

© Медведев Ф. Н.
© Алисторус

Содержание

Две незавершенные книги слились в одну...	6
Последний день	8
«Фигаро» о «Фурцевской афере»	11
«Мой отец покончил с собой...»	14
Сексапильный секретарь МГК партии	17
«Меня обаял Алеша Микоян...»	18
«Подожди...» – Фурцева тут же связалась с Суловым	19
Министр Фурцева... показывает кино	20
Зайцев сравнил ее с Жаклин Кеннеди	21
Старалась походить на Марецкую	24
Связь с Хрущевым – забавный анекдот?	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Феликс Медведев, Нами Микоян
Екатерина Фурцева.
Главная женщина СССР**

© Феликс Медведев, Нами Микоян

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Две незавершенные книги слились в одну...

Эта книга имеет несколько странную предысторию. И Нами Микоян, и Феликс Медведев в разное время, по разным причинам обращались к этой теме, но по разным причинам их книги не были завершены и изданы.

Нами Артемьевна Микоян задумала свою книгу десять лет назад к 90-летнему юбилею Е.А.Фурцевой. Мемуаристка, музыковед, мама знаменитого музыканта Стаса Намина, она решила написать о министре культуры СССР не случайно. Первым мужем Нами был сын видного государственного деятеля А.И.Микояна Алексей Микоян, вторым – заместитель министра культуры СССР Василий Феодосьевич Кухарский. Нами Артемьевна сама не раз встречалась с Е.А.Фурцевой, а многолетние рабочие и почти дружеские отношения ее мужа с Фурцевой давали возможность автору более полно и глубоко понять характер, натуру, узнать о событиях личной и деловой жизни одной из самых ярких и неординарных женщин нашей страны.

Ценным для книги материалом стало использование Нами Микоян дневниковых записей мужа, которые он делал в течение всего периода работы с Фурцевой, а также обнаруженные в его архиве письма и документы.

Близко зная дочь Екатерины Алексеевны, Светлану, Нами беседовала с ней о маме. Помогало Нами и то, что в кругу ее друзей – яркие личности, близко знавшие Фурцеву. Знакомаясь с их воспоминаниями, Нами выбирала те, которые наиболее полно раскрывают образ выдающейся женщины.

Но издать ту книгу Нами Микоян не удалось. Собранный материал почти десять лет пролежал в письменном столе.

Обращение же Ф.Медведева к теме Фурцевой абсолютно случайно. В 1995 году он неожиданно познакомился с ее дочерью Светланой. Что вышло из этого общения, а точнее, что не вышло, он рассказывает во второй главе книги.

Теперь о главном.

С Нами Микоян журналист познакомился лет пять назад – пришел за интервью для газеты. После первой беседы встречи стали постоянными, почти дружескими. С огромным интересом он слушал рассказы о ее встречах с Арамом Хачатуряном, Арно Бабаджаняном, Родионом Щедриным, Майсей Плисецкой, о чудодейственном влиянии Вольфа Мессинга на всю дальнейшую жизнь Нами после первой с ним встречи в 60-х годах, о Йоко Оно, жене легендарного Джона Леннона, о крупном современном политике Евгении Примакове... О многом и о многих... И конечно, о Фурцевой. Как-то Нами посетовала, что у нее мертвым грузом лежит недописанная книга о Екатерине Алексеевне, а журналист признался о своей такой же неудачной попытке. Родилась идея – соединить две рабочие папки в одну. Тем более что приближался 100-летний юбилей министра культуры великой страны.

Основной корпус «Неизвестной Фурцевой» составляют материалы, предоставленные прежде всего Н. Микоян. Вторая часть книги – рассказ Ф. Медведева о знакомстве с дочерью Фурцевой, интервью-воспоминания о министре культуры СССР, которые журналист вместе со Светланой взяли у М. Магомаева, В. Ланового, В. Плучека, Б. Ефимова, фрагменты бесед Ф. Медведева с деятелями культуры, касающиеся образа Е.А.Фурцевой, а также отрывки из воспоминаний и упоминаний...

То, что книга стала наполовину книгой-интервью, – идея журналиста. Во-первых, интервью – его любимый жанр, а во-вторых, авторам показалось, что живой разговор, при котором темы возникают спонтанно, без особой хронологии, делает повествование динамичным, а образ героини объемным и более полноценным.

Авторы благодарят Марину, внучку Екатерины Алексеевны Фурцевой, и библиотеку имени Е.А.Фурцевой за предоставленные фотоиллюстрации.

В книге использованы фрагменты из воспоминаний выдающихся деятелей российской культуры, близко или не очень близко знавших нашу героиню (Г. Вишневской, М. Плисецкой, С. Михалкова, Э. Радзинского, В. Розова, Л. Зыкиной, С. Ямщикова, И. Скобцевой), но так или иначе имеющих свой взгляд на неоднозначную фигуру советской эпохи.

Надеемся, прочтя эту книгу, читатель каждый по-своему ответит на вопрос, любила ли Фурцева Брамса.

Нами Микоян, Феликс Медведев

Последний день

Утром 24 октября 1974 года в приемную министра культуры СССР позвонила Зоя Туманова, заместитель заведующего отделом культуры ЦК и, неожиданно поинтересовавшись, как здоровье Екатерины Алексеевны, попросила помощницу под каким-то предлогом зайти к Фурцевой. Та зашла. Екатерина Алексеевна сидела сама не своя с задумчиво-потерянным взглядом. Всегда исключительно ухоженная прическа была не в порядке. Помощница попросила разрешения поправить ей волосы, потом предложила выпить крепкого чаю. Фурцева согласилась. Официантка Верочка принесла чай.

В приемной ждала народная артистка СССР Вера Дулова. Помощница подумала, что Фурцева вряд ли ее примет. Но когда через некоторое время с какими-то бумагами зашла снова, увидела Дулову уже в кабинете. Рабочий день Екатерины Алексеевны был загружен, как обычно, множество посетителей...

Хозяйка министерского кабинета слегка перекусила в маленькой комнате возле кабинета, одна. Вечером ей предстояло сделать приветственный доклад в честь юбилея Малого театра. Но часов в шесть она узнала, что выступать будет Николай Подгорный.

Последнее время вокруг Фурцевой сжимались тиски. Сильнейшим ударом стало ее избрание в конце 1973 года депутатом Верховного Совета СССР. Для гордой и честолюбивой женщины это означало крах дальнейшей карьеры.

Екатерина Алексеевна Фурцева (1910–1974) – советский государственный и партийный деятель. Первый секретарь Московского городского комитета КПСС (1954–1957). Член Президиума ЦК КПСС (1957–1961). Секретарь ЦК КПСС (1956–1960). Министр культуры СССР (1960–1974)

Неоднократно секретарь ЦК Андрей Кириленко попрекал Фурцеву строительством личной дачи. Отчитали ее и на секретариате ЦК. Не удержалась, ответила резко. По коридорам вовсю шли разговоры о том, что вот-вот секретаря ЦК Демичева снимут с должности и, оставив в Политбюро, назначат на другую работу. Скорее всего, министром культуры. Что же тогда будет с ней?

Накануне, во время гастролей в Голландии, скончался Давид Ойстрах, которого Фурцева очень любила. Она отговаривала его от поездки, зная, что у музыканта большое сердце. Вместе с Василием Феодосьевичем Кухарским, замом, написали некролог, под которым потом поставят подписи руководители партии и правительства, деятели искусств.

На приеме в Малом театре старалась держаться непринужденно, сделала несколько глотков «Боржоми», рано ушла. Заехала к дочери, посидела недолго, была грустна. Села в машину и уехала домой. Муж еще не вернулся. Около одиннадцати позвонила дочери. Та удивилась:

– Мама, почему у тебя такой голос?

– Ничего, утром я позвоню.

Набрала номер Людмилы Зыкиной, сказала ей несколько слов. Приняла душ. Из ванной уже не вышла... Без десяти час в квартире Светланы снова раздался звонок, звонил Николай Павлович Фирюбин: «Мамы больше нет»... И положил трубку.

На панихиде в новом здании Художественного театра на Тверском бульваре (год назад Фурцева с воодушевлением выступала на его открытии) многие плакали. С прощальными словами выступали Кухарский, Царев и другие. Константин Симонов произнес проникновенные слова: «Екатерина Алексеевна всегда имела смелость сказать «да» – и делала все, чтобы поддержать, помочь... Имела смелость сказать «нет» – и ее поступки всегда соответствовали сказанному. Так поступать могла только большая, светлая личность».

Дочери Фурцевой писатель отправил телеграмму:

«Милая Светлана, даже не могу слов найти – так это горько сознавать, что больше нет на свете такого замечательного, храброго и благородного человека – каким была Ваша мама. Я любил и глубоко уважал ее и вместе с Вами горюю сегодня. Моя жена и дочери глубоко соболезнуют Вам и Вашим близким.

Крепко жму Вашу руку, уважающий Вас

Константин Симонов.

25.X.74».

«Фигаро» о «Фурцевской афере»

Из дневника Василия Кухарского:

«Перечитываю свой дневник: опять Париж, опять наш фестиваль. В отеле каждый вечер заполнял меню на завтрак следующего утра. Следовало отмечать и нужные мне газеты, чего я не делал при неидеальном знании французского, английского и прочих языков. И вот в одно прекрасное утро приносят газету «Фигаро». Понял, что от меня желают прочтения чего-то, да и официант лукаво улыбался. Это «что-то» оказалось статьей «Фурцевская афера». Статья вроде бы незлобивая, да и само понятие «афера» у французов имеет более мягкий оттенок: «история», «предприимчивость» или что-то в этом роде. Посол Червоненко рассказал мне, что это уже вторая волна по поводу Фурцевой во французской печати. Первая – в связи с ее избранием депутатом Верховного Совета. К теме дачи обратились потому, что французам после решительных действий нового президента Жискара д'Эстена по расширению участия женщин в государственном управлении важно было подчеркнуть, что в СССР была одна талантливая баба, да и та...

Летом 1974 года в жизни Екатерины Алексеевны случились большие неприятности. По настоянию дочери она построила под Москвой дачу. Строение было зарегистрировано как личное, хотя в распоряжении министра культуры была и дача государственная. Новостройка получилась ни шикарной, ни дорогостоящей, но газеты по наущению сверху раздули эту историю, уличив министра в стяжательстве. Дело в том, что некоторые стройматериалы приобретались не по коммерческим, а по государственным ценам, хотя многим более высокопоставленным мужам подобное сходило с рук. С Фурцевой же поступили откровенно жестоко. Дачу пришлось сдать государству».

– Я думаю, Нами, неужели Екатерина Алексеевна не знала о неписаном правиле: тот, кому полагалась государственная дача, не должен был обзаводиться собственной?

– К нарушению этого правила наверху относились достаточно серьезно. Но первым его нарушил Брежнев, семья которого потихоньку обзавелась загородным домом. Потом, то один министр, то другой последовали примеру генсека. Уступая настойчивым просьбам дочери, пошла на это и Фурцева. Но, к ее чести, она тщательно следила за тем, чтобы все купленные стройматериалы и труд рабочих оплачивались из личных средств.

Тем не менее, в нее вцепились мертвой хваткой. В итоге, как министру культуры СССР, ей предстояло держать ответ перед самой грозной инстанцией – комиссией партийного контроля при ЦК КПСС. И тогда Екатерина Алексеевна решила позвонить Брежневу. По-видимому, она повинулась перед ним, что взяла грех на душу – завела собственную дачу. Но и выто, дескать, там хороши: набросились на меня, единственную среди вас женщину.

Брежневу ничего не оставалось, как отдать распоряжение прекратить расследование «дачного» дела.

Светлана с горечью рассказывала мне обо всем этом. Деньги на строительство собирали всей семьей. Муж Игорь получил гонорар за сценарий и переводы, Светлана – за книгу. Продали машину, набрали двадцать пять тысяч. Но Екатерина Алексеевна, по словам дочери, смотрела на «людское общежитие» совсем по-другому, для нее на первом месте стояло общественное мнение.

Кириленко настаивал на создании комиссии по расследованию инцидента, но у него сорвалось. Фурцевой объявили выговор, дачу постановили отобрать. Деньги же вернули. Семья положила их на сберкнижку. Мама, как говорила Светлана, сразу написала завещание. Хотела, чтобы, когда ее не станет, деньги достались дочери. В последние годы она поняла, что в слу-

чае ее смерти в квартиру на улице Алексея Толстого, где она жила со своим мужем Николаем Фирюбиным, Светлана не войдет. Так оно и случилось.

– О смерти Екатерины Алексеевны много уже говорено и написано. Тема, конечно, трагическая. Почему так неожиданно она ушла из жизни? Было это самоубийство или сердечный приступ? Даже сегодня, спустя много десятилетий, уход из жизни сильной, самобытной женщины трогает сердца людей. Время стремительно летит, многое забывается. Что же все-таки случилось в тот далекий октябрьский день?

– Мы с Василием Феодосьевичем приехали в квартиру Фурцевой и Фирюбина одни из первых. Утром, на следующий день после ее кончины. Надо заметить, что раньше в этой квартире я ни разу не была. Она показалась мне весьма неуютной, почти казенной. Помню ощущение какого-то холода. Хотя квартира хорошая, большие окна, зимний сад при входе... Мы сидели то ли в гостиной, то ли в столовой... Добротная, дорогая мебель, красивые вазы, но уюта не ощущалось. Не чувствовалось семейного тепла.

– Кто вам открыл дверь?

– Точно не помню, кажется, сам Фирюбин, а, возможно, и его дочь Рита. Помню только, что в четырехкомнатной квартире больше никого не было. Фирюбин сообщил, что тело увезли сразу же. Он подробно рассказывал, как Екатерина Алексеевна вернулась из театра, пошла в душ. Приехавшие потом врачи объяснили, что к остановке сердца могла привести резкая смена горячей и холодной воды. Тем более что Екатерина Алексеевна пребывала в состоянии очень сильного возбуждения. Помню, Фирюбин повторял, что на сердце она не жаловалась, но последнее время пребывала в каком-то напряженном, нервическом состоянии.

Позже, когда я начала собирать материалы о Фурцевой, поняла возможную причину случившегося. Накануне Екатерина Алексеевна должна была прочесть приветственное слово на юбилее Малого театра. Но произнести речь ей не дали, сообщив за несколько часов до торжества, что выступать будет Подгорный. Человек чувствительный и по-женски ранимый, она почувствовала интригу, чиновничьи козни. И поняла, что завтра ее могут просто уволить. Все эти события могли привести к инфаркту.

– А могло и к самоубийству: ведь раньше она уже пыталась вскрыть вены... Хотя Светлана мне говорила, что смерть мамы ей показалась не только неожиданной, но и подозрительной... Что она имела в виду, сказать сегодня трудно, но у меня четко осталось в памяти: Светлана с ненавистью произносила имя Фирюбина.

– Думаю, до смертельного сердечного приступа ее довели равнодушные кремлевские чинуши.

– Вы помните реакцию Кухарского на смерть его начальницы?

– Трагедия его потрясла, Фурцеву он очень любил. Искренне. Знал ее недостатки, часто с ней спорил, но дружеские отношения от этого не портились. Хотя бывало так, что, поспорив, они расходились на несколько часов «в разные углы». А на другой день, когда я звонила ему на работу, а звонила я через секретаршу, и спрашивала, можно ли соединиться с Василием Феодосьевичем, та шутливо говорила: «Сейчас нельзя. У него Екатерина Алексеевна, они мирятся».

Муж отмечал соединение в Фурцевой сильной харизмы и женского обаяния. И еще – стремление понять, познать, разобраться, дойти до сути... Она не вела себя, как Михайлов или Демичев, предыдущий и последующий министры культуры, которые сторонились тех, кто как раз и представлял культуру страны. Фурцева же вошла в эту среду сразу, и многие музыканты, писатели, художники поверили ей.

– Вы были на похоронах?

– Знаете, я не могла... А Кухарский потом мне рассказал о том, какое сильное впечатление произвело на него надгробное слово Константина Симонова. Выступали и другие, но

именно Константин Михайлович наиболее глубоко и точно выразил сущность самобытной натуры Екатерины Алексеевны. Еще долго после похорон муж ходил, как потерянный...

– Дорогая Нами, мы начали с вами непростой разговор об удивительной женщине двадцатого века. Наверное, одной из немногих женщин-министров в мире. Я знаю, что вы почти половиной своей жизни так или иначе пересекались с жизнью и судьбой Екатерины Фурцевой. Я хочу, чтобы читатель нашей книги узнал о вас.

«Мой отец покончил с собой...»

– Ну что ж. Я охотно расскажу о себе, также как я рассказала о себе когда-то давным-давно Екатерине Алексеевне при первой нашей встрече. Произошло это в 1950 году, когда я, перейдя на пятый курс Ереванской консерватории, поехала на летний отдых в сочинский санаторий «Приморье». Мне повезло, моей соседкой по комнате оказалась удивительно обаятельная, статная, подтянутая, очень приятной внешности молодая женщина – секретарь Московского городского комитета партии. Екатерина Алексеевна много плавала, гуляла, прекрасно играла в волейбол. Я узнала, что она родилась в Вышнем Волочке и очень любила спорт, особенно плавание. Советовала и мне заниматься спортом. Было приятно, что Екатерина Алексеевна расспрашивала об учебе, о родных, об Армении.

Микоян Нами Артемьевна – историк-музыковед, журналист

Я рассказывала новой знакомой о своем отце, который сразу после того, как в 1921 году в Грузии установилась советская власть, был выбран секретарем Телавского райкома партии. Отец жил будущим, и я была для него тем человеком, который увидит это самое будущее – светлое и прекрасное. Помню, что в доме находилось множество фотографий: строящихся в Телави моста, стадиона, больницы, гостиницы. Екатерина Алексеевна поинтересовалась, почему у меня такое необычное имя, и я рассказала ей, что имя мне придумал отец.

Сначала он хотел назвать меня в честь своей матери, моей телавской бабушки Гаянэ, но потом справедливо решил, что у человека нового времени и имя должно быть новым. Он учился тогда в институте НАМИ (Научный автомобильный и автомоторный институт), этой аббревиатуре я и обязана своим именем. А поскольку НАМИ напоминает грузинское слово «роса», я всем объясняю, что мое имя – роса. Нельзя же говорить, что мое имя – научный автомоторный институт...

Отца я видела редко, он был занят на работе – в Поті, в Чакве, в горах. При нем благоустроивался прекрасный город Батуми, построили новую набережную, осушили болота Колхиды. Под его руководством построили лимонарий, разбили чайные и мандариновые плантации. С гордостью я отметила Фурцевой, что отец стал прообразом главного героя книги Константина Паустовского «Колхида», а Михаил Кольцов написал о папе статью, опубликованную в приложении к журналу «Огонек». В ней говорилось о строительстве новой жизни в Аджарии и о том, сколько сделал для этого мой отец Артем Геурков.

Хотя отец был первым лицом в Аджарии, жили мы скромно в одноэтажном особнячке из четырех комнат на улице Энгельса, таких особнячков в Батуми было много. Лето проводили в Цихисдзири у моря. Других особых привилегий я не помню.

Моя мама, Ксения Анатольевна Приклонская, из старинного дворянского рода, кстати, к этому роду принадлежал поэт Веневитинов. После окончания института в 1932 году мама работала агрономом на Зеленом мысе в Ботаническом саду, созданном академиком Вавиловым. Там я проводила целые дни.

Летом 1937 года отца назначили заместителем председателя Совнаркома Грузии, и мы переехали в Тбилиси. Но на смену дням радости пришли дни печали. Отец стал молчаливым и замкнутым.

Когда я рассказывала об этом Екатерине Алексеевне, мне показалось, что она все поняла. А это «все» заключалось в том, что отец сам ушел из жизни. Он заперся в своей комнате и что-то долго писал за столом. Потом позвал меня к себе, посадил на тахту. В углу стояли собранные вещи, бумаги, на столе лежало ружье. Я тогда, конечно же, ничего не понимала. Отец поцеловал меня и сказал, как взрослой: «Что бы ни случилось, Нами, верь в партию!»

Ночью мы с мамой проснулись от звука выстрела...

От папы остались две открытки, присланные мне, тогда восьмилетней: одна большая, с котятками – из Парижа, другая, с детьми – из Батуми. На одной из открыток он написал: «Приезжай, скучно без тебя!» И еще сохранилась шкатулка из Италии «O Sole mio» – вот и все.

Сексапильный секретарь МГК партии

...Новая знакомая с интересом слушала мои рассказы. Проведенные вместе вечера запомнились мне человеческим теплом и дружеской атмосферой.

Я уезжала раньше. На прощание, поцеловав меня, Екатерина Алексеевна сказала: «Оставайся всегда такой, какая ты есть!» Сама же она запомнилась стройной, улыбающейся, энергичной... С легкими светлыми прядками, развевающимися от южного ветерка.

– *Простите, Нами, шестьдесят лет назад вы были совсем молоденькой девушкой, а ваша соседка пребывала в самом расцвете женского естества. Наверняка на нее заглядывались мужчины, тем более на курорте, под жарким южным солнцем...*

– Да, это так. Если говорить сегодняшним языком, я бы назвала фигурку, стройные ноги и обаяние Фурцевой сексапильными. Даже в обычных летних светлых сарафанчиках она выглядела весьма привлекательно. Общительная, дружелюбная, но привычного для южного города курортного романа или даже невинного легкого флирта, как мне показалось, она не допускала. Я замечала, что мужчины провожали ее взглядом, но она соблюдала дистанцию в общении с представителями противоположного пола. Чтобы мужчина начал ухаживать за женщиной, он должен получить от нее некий сигнал. Екатерина Алексеевна этого сигнала не давала: дружеское общение – да, но на мужские знаки внимания она не реагировала. Ее беззаботность, навеянная солнцем и ласковым морем, сменялась легкой задумчивостью, радость – светлой грустью, а от всего облика веяло теплотой и заботой, свойственными русским женщинам.

Хочу заметить, что в том же 50-м году моя жизнь резко изменилась: я вышла замуж и переехала в Москву.

«Меня обаял Алеша Микоян...»

Мой дядя Григорий Арутюнов, шестнадцать лет возглавлявший компартию Армении, фактически удочерил меня после гибели отца. После войны он часто бывал в Москве по служебным делам. Если поездка совпадала с каникулами, мы ехали вместе с ним. Когда мы с дядей приезжали в Москву, нас обычно приглашал на дачу Анастас Иванович Микоян, тогда член Политбюро. Мы с тетей знали его еще по Еревану, он был депутатом от Армении и приезжал в связи с выборами в Верховный Совет.

Семья Микояна была большая и гостеприимная. Часто приходили гости, особенно им радовалась молодежь: все вместе смотрели зарубежные фильмы, играли на бильярде. Анастас Иванович и его жена Ашхен Лазаревна имели пятерых сыновей. Один из них – Володя – погиб во время войны в воздушном бою под Сталинградом. Старший – Степан, авиаинженер и летчик-испытатель, уже был женат. Третий – Алексей, военный летчик, служил в авиаполку в Кубинке и учился в Военно-воздушной академии в Монино. Четвертый сын – Ваню учился в Академии имени Жуковского, а пятый, Серго – в Институте международных отношений.

С Алешей я общалась больше, чем с другими. Он был мне симпатичен: обаятельный, в летной форме, с военной выправкой. Я радовалась его появлениям в нашей гостевой квартире в Армянском переулке при постпредстве Армении, где дядя останавливался во время командировок в Москву. Однажды Алеша неожиданно позвонил в Ереван. Вскоре звонки стали регулярными: мы разговаривали каждый вечер, он говорил, что думает обо мне, скучает, хочет видеть. В августе 1950 года Алеша приехал в Ереван к своим родственникам, пришел к нам, признался мне в любви и попросил стать его женой. Я согласилась.

Это были очень счастливые годы в нашей жизни: у нас родился сын, потом дочь. Жили в авиационных гарнизонах, в Москве, во время отпусков мужа много путешествовали. Отдыхали в Карловых Варах в Чехословакии. Санаторий «Империал» после войны оставался в советском ведении. Однажды туда приехала Екатерина Алексеевна со своим вторым мужем Николаем Фирюбиным, послом СССР в Югославии. Они только что поженились и проводили в Карловых Варах медовый месяц. Замечательно красивая пара... Что они влюблены, было заметно даже по тому, как они смотрели друг на друга, как держались за руки... На все это я обращала внимание, поскольку и сама была молодой, счастливой и влюбленной. Я радовалась, глядя на нее, да и ей было приятно видеть, как удачно начинается моя семейная жизнь.

«Подожди...» – Фурцева тут же связалась с Сусловым

В следующий раз мы встретились с Екатериной Алексеевной лишь в 1957 году на стадионе «Динамо» на футбольном матче. В те годы футбол был очень популярен, на него ходили все. На трибуне мы с Фурцевой сидели рядом. Она тогда уже была секретарем ЦК. Разговорились. Екатерина Алексеевна расспрашивала, как мои родные, особенно дядя Григорий Арутюнов, которого она хорошо знала. Дядю в 1954 году Хрущев снял с должности первого секретаря ЦК компартии Армении. Некоторое время он работал директором овощного совхоза, позже вынужден был переехать в Грузию, но работы там найти не мог – отказывали. Мжаванадзе, первый секретарь ЦК партии Грузии, честно признался: «Боюсь гнева Хрущева!» – рассказывала я Фурцевой.

Квартира у них была маленькой и очень неудобной, без кухни и туалета. Я отправила их в сочинский санаторий и занялась ремонтом. Материалы по госцене помог достать горсовет. Вернулись родные в квартирку, где была привычная атмосфера домашнего уюта: книги на деревянных полках, сделанных из ящичков, в которых их привезли из Еревана, на столе белая крахмальная скатерть. Но радость близких людей омрачалась тем, что работы не предвиделось. Жить им становилось все труднее, приходилось продавать вещи: бурку, теплый, подбитый овчиной казакин, в котором зимой дядя ездил в районы. Жили родные скромно, но привычно, их быт изначально сложился так, что на еду много денег не тратили. Я помогала, чем могла: мой муж к тому времени уже стал полковником, и я смогла посылать им деньги.

Вскоре дядя оказался в больнице с инфарктом. В Москве я просила свекра, Анастаса Ивановича Микояна, дать мне совет: что делать? Надеялась, что дяде, которому к тому времени исполнилось пятьдесят пять, дадут пенсию по инвалидности. Он резко отмахнулся от меня: «Неужели не понимаешь? Я не могу ничего сделать, Хрущев против Арутюнова».

На футбольном матче я честно сказала Фурцевой, что дядя серьезно болел, сейчас поправляется, но впереди тупик – работы все равно нет. Она отреагировала очень бурно: «Завтра придешь ко мне на Старую площадь. Позвони утром». Наутро я позвонила и пришла к ней в кабинет. Она связалась с Сусловым, вышла и сказала мне: «Подожди!» Вернулась через полчаса: «Арутюнов будет работать в Госплане Грузии. Передай ему, пусть не волнуется!»

Трудно передать словами мою радость и благодарность! В работе отказывали все, кто мог помочь, – боялись Хрущева и откровенно об этом говорили. Откликнулась только Фурцева, не дожидаясь просьбы, сама предложила помощь.

Я побежала в больницу на Грановского, рассказала дяде о своей встрече с Екатериной Алексеевной. Он сразу посветлел лицом и даже стал бодрее. Вскоре они с тетей вернулись в Тбилиси, и он вышел на новую работу. Но проработал на ней только месяц – в городе началась эпидемия гриппа, дядя заболел в свой день рождения – 7 ноября. Через два дня его не стало. На похороны пришел весь Тбилиси.

Министр Фурцева... показывает кино

Как-то я встретила Екатерину Алексеевну в доме приемов на Воробьевском шоссе, где регулярно Хрущев и члены Политбюро с семьями смотрели кинофильмы. Ее тогда только что назначили министром культуры СССР, в функции которого входила обязанность организовывать показ фильмов для кремлевских руководителей. Это, по-видимому, ее немного смущало. Она стояла в стороне, и мне показалось, чувствовала себя не в своей тарелке. Я подошла. Фурцева очень обрадовалась, стала вспоминать наш совместный отдых в Сочи. Стоявшему рядом Анастасу Ивановичу объяснила: «Мы с Нами жили в одной комнате в сочинском санатории, и с тех пор я ее искренне полюбила!» Такой смущенной я ее больше никогда не видела. На официальных встречах она была всегда уверенной в себе.

Слева направо: Джина Лоллобриджида, Екатерина Фурцева и Мариса Мерлини

Зайцев сравнил ее с Жаклин Кеннеди

– Войдя в семью крупного партийного деятеля Микояна, вы, конечно же, познакомились с бытом политической верхушки, с ее привилегиями. Наверняка бывали на светских раутах, кремлевских приемах. Как выглядел женский «бомонд» в те времена, когда западная мода с трудом продиралась сквозь железный занавес?

В 1989 году в Париже я брал интервью у русской писательницы княгини Зинаиды Шаховской. В 50-х годах она как жена французского дипломата некоторое время жила в Москве. Я спросил, приходилось ли ей общаться с нашим министром культуры и, если да, какое впечатление на нее произвела Фурцева. «Конечно, я помню Екатерину Фурцеву, статную русскую красавицу типа «есть женщины в русских селеньях», – сказала Зинаида Алексеевна. – Среди всех официальных дам ее нельзя было не заметить».

Екатерина Фурцева действительно выделялась на фоне пышных жен вождей?

– Интересный штрих... Могу сказать, что перемены, произошедшие после смерти Сталина, принесли изменения в жизнь членов правительства. Хрущев, придя к власти, решил выселить из Кремля его жильцов, а потому по его указанию и, к сожалению, по его вкусу было построено двенадцать двухэтажных особнячков. Так незаметно входил новый порядок – не стесняться привилегий.

В здании ГУМа открыли так называемую двухсотую секцию. Официально для иностранных гостей, но на самом деле ею в большей степени пользовались члены семей правительства и те, кто стоял поближе к правительственным кормушкам. Моя свекровь Ашхен Лазаревна об этом не знала, и только году в 60-м кто-то из помощников Анастаса Ивановича рассказал ей об этом магазине. Она послала нас, невесток, и мы поехали в новый для нас магазин, где в небольшом зале (потом его увеличили) был самый разный выбор любых товаров.

Денег у нас особо не водилось, поэтому мы покупали только самое необходимое.

Те, кто имел коммерческую жилку и не обременял себя высокими моральными принципами, приобретали в этой секции редкие тогда дубленки, платиновые кольца, меха (стоили они в то время сравнительно недорого), обувь, непривычные для нас куртки и занимались спекуляцией, перепродавая их намного дороже. Я этого делать не могла – по совести, да и практичности не хватало, к тому же в 60-е годы, работая в журнале «Советская музыка», я получала 100 рублей.

Еще до появления двухсотой секции ГУМа был небольшой магазинчик напротив Кремля на территории «Арсенала» – это влево от Троицких ворот, в доме, опоясывающем Александровский сад. Директором и продавцом «однокомнатного» магазинчика был некто Борисов, мужчина с военной выправкой. Иногда мы тоже туда ходили, но чаще одевались в ателье. Никакими специальными торговыми складами семья Микояна не пользовалась, думаю, так жили и другие члены правительства. В упомянутом закутке Военторга продавались валенки, мыло, трикотажное белье, чулки, носки, одеколон, иногда шерстяные кофточки – большая редкость для того времени. Однажды там я купила три отреза красивой, гладкой ткани – черный, синий и коричневый – в подарок маме и родственницам. Долго они носили платья, пошитые из преподнесенной ткани.

Семья Микояна изначально жила скромно. Питание частично оплачивалось государством, остальное добавлялось из зарплаты работающих сыновей, которые жили вместе с отцом. Никакими деликатесами за столом не пахло, хотя возможности для покупки вкусной еды имелись. Существовала специальная продуктовая база, обслуживающая членов правительства, где можно было заказать любые продукты, изготовленные на территории СССР. Однако еще при Сталине, который сам отличался чрезвычайным аскетизмом в быту, было заведено правило не злоупотреблять своими привилегиями. Его соратники старались не нарушать заведенных пра-

вил. Женская половина семьи, как правило, обходилась без дорогих украшений, иных предметов роскоши.

Поскольку готовой одежды хорошего качества тогда в СССР не продавалось, шили у частных портных. Ателье мод подразделялись на обычные и ведомственные. Самое «закрытое» и самое престижное было ателье КГБ на Кутузовском проспекте, так называемое ателье Легнера. Легнер – личный портной Сталина, шил ему знаменитые военизированные френчи. В этом же ателье одевались некоторые женщины из семей членов правительства. Обшивала их одна из лучших портних Москвы Нина Матвеевна Гупало, мать журналиста Аджубея, будущего зятя Хрущева.

Моя свекровь, Ашхен Лазаревна, была очень скромна в быту. Никаких драгоценностей – колец, серег и прочего она не имела. Новые платья Ашхен Лазаревна шила редко, но вкус у нее был хороший. Когда в Москву приезжал Ричард Никсон с женой, на приеме присутствовали жены членов советского правительства, среди дам из простонародья шестидесятилетняя Ашхен Микоян в элегантном черном костюме от Нины Гупало, сшитом еще сразу после войны, и маленькой черной шляпке смотрелась очень выигрышно. Ее фотографию даже напечатал журнал «Лайф».

Для меня быть хорошо одетой значит не обязательно быть одетой дорого или нарочито роскошно, главное – элегантно, со вкусом. Еще в Армении я имела счастливую возможность доставать зарубежные журналы. Конечно, мне, молодой девушке, было любопытно все, что связано с модой, стилем, красотой. С огромным вниманием я вглядывалась в фотографии представителей английской королевской семьи. На снимках красовались безупречно одетые женщины: великолепно сшитые строгие костюмы, платья, пальто. Увы, не все из наших дам, приближенных к власти, умели выглядеть элегантно. Иногда приходилось наблюдать неуместную роскошь, порой плохо скрываемое отсутствие вкуса.

Надо сказать, что Фурцева прекрасно одевалась, предпочитая шить на заказ. Ее муж, будучи послом в Югославии, заказал специальный гипсовый манекен, полностью повторяющий фигуру жены, и заказывал для нее платья с учетом ее вкуса и излюбленной цветовой гаммы. Она следила за модой и хотела, чтобы все советские женщины красиво и модно одевались.

После посещения Общесоюзного дома моделей Екатерина Алексеевна собрала в горькоме партии на совещание столичных закройщиц, заведующих ателье и грамотно, профессионально говорила с ними о новых фасонах и модных тенденциях.

Она помогала молодым талантливым модельерам, например, Славе Зайцеву, услугами которого рискнула воспользоваться. Случилось это так.

Однажды, когда Фурцева собиралась идти на чествование Юрия Гагарина, она решила, что в этот торжественный день на ней должно быть маленькое черное платье – скромное и торжественное. Заказать его решили молодому, но подающему большие надежды модельеру Славе Зайцеву. Он оглядел стройную, почти девичью фигуру и спросил: «Что бы вы хотели?» Фурцева пожала плечами: «Что вы, Славочка, меня спрашиваете? Мне нужно маленькое черное платье, а какое – не суть важно. Важно, что я вам доверяю». Екатерина Алексеевна действительно обладала прекрасным чутьем на хороших специалистов. У нее отсутствовали амбиции, которые многим мешают довериться людям, понимающим в сути вопроса значительно больше. Зайцев слегка смутился: «Мне трудно, я не знаю ваших вкусов. Но понимаю, что ваш образ – это образ человека скромного, деликатного». Она чуть заметно кивнула: «Я человек из простой среды, и ярких платьев не могу себе позволить носить. Вы же видите, я даже без украшений хожу. Единственная моя просьба к вам, Слава, я не очень люблю ходить на приемы. Поэтому, если возможно, снимите мерки, а все остальное делайте, как хотите».

Зайцев обрадовался: такое предложение развязало ему руки. В данном случае он не ограничивался рамками, как это было позже, когда он общался с семьей Шеварднадзе, супругой Косыгина или прочими представителями власти и членами их семей, которые всегда его кон-

тролировали: «Этого нельзя и этого нельзя, а здесь, пожалуйста, уберите, а тут прибавьте». С Фурцевой у модельера установилось полное взаимопонимание.

Маленькое черное платье получились довольно простым и весьма деликатным: аккуратная горловинка, «правильная» длина до колена, и все по фигуре. В его «объятиях» Екатерина Алексеевна чувствовала себя легко, держалась по обыкновению скромно и с достоинством, выглядела женственно и элегантно.

Недаром сам автор наряда Слава Зайцев сравнил заказчицу с Жаклин Кеннеди, но лишь по осанке и умению держаться. Фурцева более сильная личность. Без надлома и женской ранимости, хотя, может быть, она это лучше скрывала.

Кинорежиссер Владимир Наумов называл образ Фурцевой «готическим», сравнивая ее стиль с готической архитектурой.

Галина Волчек считала ее очаровательной, не лишенной природного вкуса. Вспоминая ее знаменитое «черное платье», Волчек говорит, что у каждой женщины должно быть такое в гардеробе, но сама увидела его впервые на Фурцевой. Министр и... образец элегантности.

Падчерица Екатерины Алексеевны, Маргарита Фирюбина, мне говорила: «Маленькое черное платье приводило в восторг не только женщин, но и мужчин. Выходит министр на прием, платье черное, узенькое, стройные ножки в аккуратных черных туфельках, и все мужчины: «А-а-ах!»»

Старалась походить на Марецкую

Если посмотреть на фотографии Фурцевой тех лет, замечаешь еще одну деталь: стиль в одежде очень схож со стилем ее любимой актрисы Марецкой. Нарядные блузки с круглыми воротничками, элегантные небольшие вырезы платьев, одинаковая длина юбок, любовь к строгим английским костюмам и прилегающим силуэтам. Что это? Совпадение? Можно, конечно, предположить, что две женщины, умные и с хорошим вкусом, совершенно самостоятельно нашли свой собственный стиль – стиль строгой элегантности, но, вероятней всего, Екатерина Алексеевна воспользовалась находками Марецкой, которую старательно копировала в жизни. Конечно, копировала не слепо – это было бы слишком очевидно, а поэтому, скорей, комично – просто использовала удачные находки, переделывая, примеряя на себя.

В конце концов, Фурцева и сама стала предметом для подражания – деловые дамы копировали ее манеру одеваться, а особенно прическу: волосы, зачесанные наверх и собранные на затылке. Это называлось «Фурцева для бедных». Например, стала так же причесываться секретарь МКГ партии Алла Шапошникова. Но если Фурцевой эта прическа очень шла, она как будто с ней родилась, то Шапошникова – невысокого роста, простоватая, полноватая, без шеи – с кукишем на затылке выглядела комично.

Надо сказать, что Фурцева умела себя подать. Есть знаменитая фотография, на которой она стоит, кажется, между Софи Лорен и Элизабет Тейлор. Это во время кинофестиваля в Москве. Так она выглядит не хуже мировых кинозвезд. Видно, что у них все нарисованное: глаза, брови. А она естественная, почти без косметики. Настоящая русская красавица.

Екатерина Фурцева и Софи Лорен на Московском кинофестивале

Кстати, ее женская притягательность оказалась весьма действенной. Она способна была обаять и мужчин, и женщин. Запад она открыла не с высоты министерского кресла, а через совсем «не уставные», дружеские отношения, вызывавшие большое недовольство компетентных органов. Эти «отношения» к концу ее 14-летнего министерского правления принесли стране богатейшие плоды. Третьяковская галерея получила картины из коллекции художника

Савелия Сорина, вдова которого, Анна, стала близким другом Фурцевой, многочисленные дары Нади Леже, 75 литографий Марка Шагала, подаренных им Пушкинскому музею...

Связь с Хрущевым – забавный анекдот?

– *Как вы относитесь к довольно устойчивым слухам о том, что Фурцеву и Хрущева связывало не только служебное положение? Мне говорила Светлана, что ее маму обидно называли «Никитские ворота»...*

– В начале 50-х годов Екатерина Алексеевна часто виделась с Никитой Сергеевичем. Когда на XX съезде партии она вышла к трибуне своей легкой, летящей походкой и сделала доклад, ни разу не заглянув в разложенные перед ней листочки, то сорвала бурные аплодисменты, а Хрущев удовлетворенно сказал: «Молодец, это моя школа!»

После смерти Сталина Хрущева избирают первым секретарем ЦК партии, Фурцева становится первым секретарем Московского городского комитета партии.

Искренняя приятельница к ней Хрущева не могла остаться незамеченной. И вправду ходили слухи, что их связывало больше, чем симпатия. Но те, кто знал Екатерину Алексеевну достаточно близко, были абсолютно убеждены, что никакой любовной связи между ними не было. Главный режиссер Большого театра Борис Покровский как-то сказал: «Если бы такое было на самом деле, это выглядело бы, как забавный анекдот. Думаю, что ему было просто приятно на нее смотреть!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.